TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ALUSTATUD 1893. a. VIHIK 139 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ VI

ТАРТУ 1963

БОРЬБА В 1862—1863 ГОДАХ ВОКРУГ РОМАНА И. С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»

П. С. Рейфман

Полемика, которая велась в 1860-х гг. вокруг романа И. С. Тургенева «Отцы и дети», неоднократно привлекала к себе внимание исследователей. В советском литературоведении много раз затрагивался вопрос о противоречивости оценок романа, о причинах этой противоречивости.

Особенно сложным оказалось объяснить позицию «Современника», его неблагоприятные отзывы об «Отцах и детях». Попытки такого объяснения иногда приводили к самым крайним, взаимоисключающим выводам, далеким от историзма, от подлинного учета своеобразия обстановки. Одна из крайностей, как нам представляется, наиболее ошибочная и антиисторичная, вела к утверждению, что Тургенев создал антинигилистический роман, другая — к резким нападкам на всех, кто осуждал «Отцов и детей», в первую очередь на Антоновича, к попыткам отмежевать его точку зрения от взглядов Чернышевского и Добролюбова.

На самом деле нет никаких оснований отождествлять точки зрения Тургенева и Каткова, какими бы оговорками это отождествление не сопровождалось бы. В то же время следует помнить, что выводы Антоновича разделяла, в основном, вся демократическая критика 60-х гг. Вряд ли состоятельны доводы о том, что Некрасов, Чернышевский, публикуя статью «Асмодей нашего времени», не представляли, что они делают, полностью передоверились Антоновичу. Речь шла не о каком-либо мало известном писателе, а о Тургеневе, связанном с «Современником» весьма сложными отношениями. Толки об «Отцах и детях» волновали общество задолго до опубликования романа. Общественный резонанс, вызванный сравнением Тургенева с Аскоченским, легко было предвидеть. Все это должно было заставить редакцию с особой осмотрительностью решать вопрос о публикации статьи Антоновича.

Мало вероятным кажется и предположение, что Чернышевский мог не читать романа: ведь оно высказано Писаревым в пылу полемики. Известен отзыв Чернышевского об «Отцах и детях», во многом совпадающий с оценкой Антоновича.[1] Конечно, можно предположить, что Чернышевский, передоверившись Антоновичу, писал о романе с его слов, но это мало вероятно.

Во всяком случае, помещая статью Антоновича, Некрасов и Чернышевский должны были, в основном, резделять его точку зрения, если не на роман, то на Тургенева. Эта точка зрения оказалась широко распространенной в демократической журналистике 1862—1863 гг. Ее разделял и Щедрин, неоднократно писавший об «Отцах и детях».

Но не только сотрудники «Современника», которых можно заподозрить в том, что они поддерживали «престиж журнала», выступили против романа Тургенева. С «Современником» солидаризовалась и «Искра». Следует добавить, что аналогичные «Современнику» отзывы, которые обычно не приводятся в литературе о полемике вокруг романа, имеются в других демократических изданиях. Они встречаются в статье «Молодое поколение» Окнерузама (Мазуренко), напечатанной в «Очерках» (1863, № 56—58), в статье А. П. Пятковского «Кто лучше? (по поводу романа г. Тургенева «Отцы и дети»)», опубликованной в газете «Современное слово» (1862, № 13—14). Да и в журнале «Русское слово» появлялись высказывания, в которых осуждалась позиция Тургенева.[2]

Следовательно, подавляющее большинство откликов на роман «Отцы и дети», появившихся в демократической печати, были неблагоприятны для писателя. Даже Писарев отнюдь не солидаризовался с позицией Тургенева. Статью «Базаров» он начинал с мысли о том, что в романе идеи и стремления молодого поколения поняты не так, как понимает их само молодое поколение, что «старик и юноша почти никогда не сходятся между собою в убеждениях и симпатиях».[3] В статье «Мыслящий пролетариат» критик продолжал утверждать, что Тургенев — «чужой в отношениях к людям нового типа», что он «не мог вполне сочувствовать новому типу» и в его книгу «вкрались фальшивые ноты», которые вызвали отзыв Антоновича.[4] Но особенно отчетливо объяснял Писарев позицию Тургенева и свое отношение к роману в статье «Реалисты». Тургенев, как показывает Писарев, не может понять новых людей, не умеет им сочувствовать, но он вызывает их на объяснение, пытается разобраться в новом явлении; поэтому безразлично, «дурна или хороша была тенденция

---

[1] Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., М., 1951, т. 10, стр. 185.

[2] См. «Русское слово», 1863, № 1—2, стр. 5; № 3, стр. 1; № 6, стр. 55 и др.

[3] Д. И. Писарев, Соч. в 4 тт., М., 1955—1956, т. II, стр. 7.

[4] Там же, т. IV, стр. 11.

тургеневского романа <...> Надо было совершенно отодвинуть в сторону оценку романа и сосредоточиться на разборе базаровских идей . . .»[5] Писарев осуждает Антоновича за то, что он слишком много говорит о Тургеневе, о романе, «хотя публике не было никакого дела ни до Тургенева, ни до его романа».[6] Критик же «Русского слова» говорит в первую очередь о Базаровых в жизни, о базаровских идеях, о новых людях, демократах, «нигилистах». О том, что роман Тургенева лишь «повод» для журнального похода против «нигилистов», писали и крайние реакционеры (см. «Домашнюю беседу», 1862, № 19, стр. 448).

Именно отношение к Базаровым в жизни определяло сущность полемики об «Отцах и детях». В советском литературоведении высказывалась справедливая мысль, что статья Антоновича написана не столько о романе, сколько «по поводу его».[7] Но ведь и вся полемика вокруг произведения Тургенева была «по поводу»! Не учитывая этого, пытаясь объяснить высказывания об «Отцах и детях» лишь с точки зрения их соответствия объективному смыслу романа, исследователи оказались вынужденными либо прийти к выводу о реакционности романа Тургенева, либо осудить всех, кто критиковал «Отцов и детей».

На самом же деле полемику о романе следует рассматривать совсем с иных позиций, учитывая те вопросы, которые волновали русское общество в 1862—1863 гг. Проблемы, выдвинутые в спорах на первый план, были характерны не столько для 1861 г., когда создавались «Отцы и дети», сколько для более позднего периода, когда вокруг романа завязалась ожесточенная борьба. С конца 1861 г. — начала 1862 г. реакция повела решительное наступление на революционных демократов, на «нигилизм». В сложной обстановке послереволюционной ситуации она использовала произведение Тургенева в качестве оружия, направленного против революционеров. Писатель сам понял это. «Выпущенным мною словом «нигилист» воспользовались тогда многие, которые ждали только случая, предлога, чтобы остановить движение, овладевшее русским обществом <...> оно было превращено в орудие доноса, бесповоротного осуждения, — почти в клеймо позора», — писал Тургенев в «Литературных и житейских воспоминаниях».[8] К этой же мысли возвращался он в письме к Салтыкову-Щедрину, признавая, что «не имел права давать нашей реакционной сволочи возможность ухватиться за кличку, за имя».[9] В спорах об «Отцах и детях» главным было не отношение к Тургеневу, роману, а то

---

[5] Там же, т. III, стр. 14—15.

[6] Там же, стр. 15.

[7] См., напр., Г. М. Фридлендер, К спорам об «Отцах и детях», «Русская литература», 1959, № 2.

[8] И. С. Тургенев, Собр. соч., М., 1953—1958, т. X, стр. 353.

[9] Там же, т. XI, стр. 485.

или иное решение вопроса о «нигилизме», оценка новых людей, революционных демократов, резкое неприятие их или выраже ние солидарности с ними. Сторонники реакции, либералы, независимо от того, считали ли они, что Тургенев возвел Базарова на пьедестал, или вовсе не думали об этом, использовали роман для развязывания антинигилистической травли, как еще одно доказательство порочности «нигилистов», закономерности расправы над ними. Как бы ни оценивали они роман, главная сущность их высказываний, сводившаяся к нападкам на «нигилизм», оставалась неизменной. Она определяла выступления изданий Каткова, «Отечественных записок», «Голоса» и других реакционных и либеральных журналов и газет. Демократический лагерь вел борьбу за новых людей, защищал их самих, их дело от ожесточенных нападок реакции. В главном вопросе точка зрения каждого из лагерей была твердо определенна и едина. Здесь не было расхождений между Писаревым и Антоновичем с одной стороны, между Катковым и Страховым с другой. Нам преставляется не совсем правомерным резкое противопоставление взглядов Антоновича и Писарева, высказанных ими в полемике о романе Тургенева. Также неправомерным кажется противопоставление Каткова и Страхова. Не случайно реакционные издания, с радостью отмечая противоречия в стане врагов, «нигилистов», говоря об оценках Писарева и Антоновича, в то же время резко осуждали и того и другого, подчеркивали, что в сущности они придерживаются одной и той же точки зрения. Так, в отзыве «Современной летописи» рецензент, сопоставив высказывания Писарева и Антоновича, приходил к выводу, что у них «раздора никакого нет», и грубо ругал обоих.[10] Такого же взгляда придерживался и Катков в статье «Роман Тургенева и его критики». Катков писал, что ликования «Русского слова» и вопли «Современника», при всей их видимой противоположности, «сливаются в один звук»,[11] что Писарев и Антонович «не только противоречат между собою, но и совершенно согласны. Противоречие есть и противоречия нет».[12] В дальнейшем Катков уже прямо утверждал, что «противоречия нет».[13] Писарев, по мнению издателя «Русского вестника», — «совершенно единомышленный ему (Антоновичу — П. Р.) писатель».[14] Катков сумел уловить, что общим пафосом выступлений «Современника» и «Русского слова является защита Базаровых русской действительности, столь ненавистных реакции. И сам он, в первую очередь, писал об этих Базаровых в жизни, а не о романе Тургенева. В первой его статье, напеча-

---

[10] «Современная летопись», 1862, № 18, стр. 17.
[11] «Русский вестник», 1862, № 5, стр. 413.
[12] Там же.
[13] Там же, стр. 415.
[14] Там же, стр. 409.

танной в № 5 «Русского вестника», в которой он старался дать отпор оценкам «Современника» и «Русского слова», анализ «Отцов и детей» занимал еще сравнительно значительное место. Во второй же статье, опубликованной в № 7, о романе почти совсем не говорилось. Характерно, что вместо продолжения статьи 5-го № «Роман Тургенева и его критики», которое было обещано, в 7-м № появилась новая статья, выдержанная в несколько иной тональности, с новым названием «О нашем нигилизме». Само название как бы подчеркивало, что речь идет именно о «нигилизме» в жизни. Об этом свидетельствовало и содержание статьи. Катков сам писал, что не имел «намерения разбирать роман».[15] Если первая статья была выдержана в относительно спокойном тоне, то вторая представляла собой истерично-злобную брань «нигилистов». Изменение тона определялось, видимо, усилением реакции, новой обстановкой, возникшей после лета 1862 г., пожаров, прокламаций, политических арестов и т. п.

Существует мнение, что Катков, да и вся реакционная журналистика, проводят деление на «отцов» и «детей» на основании возрастного признака, в этом якобы сказывается сходство Каткова и Антоновича: оба они зачисляют в лагерь детей и Аркадия, и Ситникова, и Кукшину: «В этом позиция Антоновича почти ничем не отличалась от позиции Каткова».[16] Получается, что вся разница между реакционерами и Антоновичем заключалась в том, что первые «утверждали, будто все молодые люди 60-х годов — Базаровы»,[17] а второй — что все молодые люди не похожи на Асмодеев-Базаровых.

Ниже мы остановимся на взглядах Антоновича. Пока же отметим, что реакционные издания вовсе не зачисляли всю молодежь в лагерь Базарова, что и понятно. Ведь при таком зачислении пришлось бы признать за «нигилизмом» значение важного общественного течения, охватившего большую часть общества. Цель же реакционеров была совсем иная. Они стремились опорочить «нигилизм», доказать, что он не является серьезной силой. Катков прекрасно понимал, что Базаров, Аркадий, Ситников — люди различных лагерей. Он писал, что Аркадий — внешне заражен базаровским «нигилизмом», но в то же время подчеркивал, что он не «хищный» тип, что его «нигилизм» — лишь увлечение, свойственное молодости, что в Аркадии много хороших задатков: «За такую молодежь, каков Аркадий, еще нельзя отчаиваться».[18] Катков указывал, что вообще

---

[15] «Русский вестник», 1862, № 7, стр. 419.

[16] П. Г. Пустовойт, Роман Тургенева «Отцы и дети» и идейная борьба 60-х гг. XIX века, М., 1960, стр. 259—260.

[17] Там же, стр. 263.

[18] «Русский вестник», 1862, № 5, стр. 398.

«баричи» «никогда не бывают серьезными отрицателями».[19] Не отождествлял издатель «Русского вестника» с «хищным» типом и Ситникова, Кукшину. Он говорил об их пошлости и ничтожестве, но и о том, что они не «хищные», а настоящие «хищники» хорошо понимают их и «умеют ими пользоваться».[20] Катков резко критиковал толки «о молодом поколении как о чем-то особом и отдельном, будто о каком-то сословии или партии».[21] Он говорил, что об этом могут думать лишь наивные Аркадии: «Аркадии думают это по наивности, а люди другого сорта, люди свойств более или менее хищных, конечно, так не думают, но находят не лишним вселять и поддерживать такую мысль в молодом люде».[22] Вслед за такими рассуждениями Катков сразу упоминал имя Чернышевского, отнюдь не молодого человека, весьма отчетливо намекая, что тот — один из людей «хищных» свойств, поддерживающий теорию о «молодом поколении» не по наивности, а по «фальшивости».

С подобными выводами, стремясь опровергнуть мнение о массовости и силе демократического лагеря, выступали и другие реакционно-либеральные издания. Так, в газете «Голос» была помещена статья «Нигилизм и эмбриология», направленная против «Современника», «Русского слова», «Современного слова». Автор статьи, касаясь полемики об «Отцах и детях», решительно выступал против отождествления молодого поколения с «нигилизмом». По его мнению, молодое поколение чуждо «нигилизму»: оно многое отрицает, но его отрицание «никак не исключает уважения к существенным основам родной жизни».[23] Как и Катков, автор «Голоса» нападал на «мнимых друзей» молодежи, т. е. на революционеров-демократов. «Такие друзья — опаснее врагов <...> солидарность с ними не может принести большой чести умственному развитию молодого поколения».[24]

С аналогичным мнением выступали и «Отечественные записки». П. Г. Пустовойт приводит в своей книге цитату из статьи «Недосказанные заметки», помещенной во 2 № «Отечественных записок» за 1863 год. Автор статьи утверждал, что Кирсановы — не отцы, а Базаровы — не дети. П. Г. Пустовойт считает, что в таких высказываниях отразились взгляды «противоположные катковской точке зрения, близкие <...> к оценке романа критиком «Современника» М. Антоновичем».[25]

---

[19] Там же, № 7, стр. 416.
[20] Там же, № 5, стр. 400.
[21] Там же.
[22] Там же, стр. 400—401.
[23] «Голос», 1863, № 61.
[24] Там же.
[25] П. Г. Пустовойт, Роман Тургенева «Отцы и дети» и идейная борьба 1860-х гг., М., 1960, стр. 250.

На самом деле оценка сотрудника «Отечественных записок» означала совсем иное: здесь встречаем мы тот же протест против отождествления молодого поколения и «нигилизма». Автор упрекал Тургенева за то, что он не показал в романе «другую, прекрасную сторону»[26] молодого поколения, не имеющую ничего общего с «нигилизмом»; «жизнь невозможна при одном отрицании», — заявлял он.[27] Статья «Недосказанные заметки» выдержана в том же антинигилистическом духе, что и другие высказывания реакционно-либеральной печати по поводу «Отцов и детей». Вряд ли правомерно сопоставлять мнение Антоновича, считавшего, что революционеры в действительности несравненно выше героев Тургенева, и мнение автора «Недосказанных заметок», утверждавшего, что лучшая часть молодежи не имеет ничего общего с революционными демократами. Еще менее оснований для сопоставления точки зрения «Современника» с памфлетом Прогрессистова (А. Эвальда) «Письма об изучении безобразия» («Отечественные записки», 1862, № 3). Пустовойт противопоставляет мнения Эвальда и Каткова и сближает взгляды первого с позицией Антоновича. На самом деле Эвальд выступил с резким и злобным антинигилистическим памфлетом. Конечно, нельзя принимать всерьез его слов о том, что Тургеневу достанется от «наших», что «я и все мои друзья находим, что это просто донос на всех нас, нигилистов», что Одинцова — «воплощенная идея одной из четырех великих держав» и т. п.[28] Памфлет Эвальда любопытен вовсе не как выражение антикатковских взглядов, а как попытка реакционной журналистики заранее парировать неблагоприятные отзывы демократической критики о произведении Тургенева и истолковать роман именно в антинигилистическом смысле; ведь «Письма об изучении безобразия» опубликованы в 3 № «Отечественных записок», одновременно со статьями Писарева и Антоновича, а подпись «Прогрессистов» как бы подчеркивала: вот как «прогрессисты», «нигилисты» должны оценить книгу Тургенева. Под «безобразием» в памфлете понимался «нигилизм», революционно-демократическая журналистика. Памфлет Эвальда помещен сразу же после статьи «Принципы и ощущения», автор которой, выражая мнение редакции «Отечественных записок», приходил к выводу, что «нигилизм смердит».[29] В «Принципах и ощущениях» мнения редакции выражены всерьез. В «Письмах об изучении безобразия» те же мнения высказаны в форме памфлета, написанного якобы от лица «нигилиста».

Несколько особая точка зрения по поводу романа «Отцы

---

[26] «Отечественные записки», 1863, № 2, стр. 190.
[27] Там же.
[28] «Отечественные записки», 1862, № 3, стр. 128, 129.
[29] «Отечественные записки», 1862, № 3, стр. 120.

и дети» выражена в журнале почвенников «Время», в статье Н. Н. Страхова. На первый взгляд, оценка Страхова, по-своему интересная и талантливая, перекликается с выводами Писарева. Страхов оправдывал тургеневского героя, говорил об его жизненности и силе, пытался разобраться в причинах его возникновения. Но вряд ли правомерно сопоставлять взгляды Писарева и Страхова, противопоставлять выступление Страхова направлению «Времени», «Эпохи», взглядам Ф. М. Достоевского. На самом деле статья Страхова была не столь уж прогрессивна. В ней содержался ряд выпадов против Белинского, Чернышевского, революционнных демократов. Да и с Писаревым Страхов вовсе не солидаризовался. Он приводил взгляды критика «Русского слова» лишь как свидетельство того, что сами «нигилисты» признают жизненность нарисованого Тургеневым образа. Трагедию Базарова Страхов видел в столкновении его «теории» и «жизни». Что такое «жизнь» и что такое «теория», он отчетливо не определял. Но совершенно ясно, что «жизнь» противопоставляется базаровским началам, его отрицанию; в понятие «жизни» включается прежде всего любовь, «даже религия».[30] «Теория» же связывается с направлением «Современника» и «Русского слова», с принципами революционных демократов. «Жизнь», по Страхову, одерживает полную победу над «теорией»: «Базаров — это титан, восставший против своей матери-земли», и «как бы то ни было, Базаров все-таки побежден, побежден не лицами <...> но самою идеею этой жизни».[31] Сам роман «Отцы и дети» Страхов рассматривал как победу Тургенева над направлением «Современника». Будущее Базарова критик мыслил как отказ от базаровского направления, от безудержного отрицания: «Рано или поздно он должен измениться, должен перестать быть Базаровым».[32] Само возвеличивание Базарова, по Страхову, необходимо для более полного опровержения его «теорий», иначе в «самой победе не было бы силы и значения».[33]

Но ведь и Катков считал, что Базаров — «один из лучших типов нигилизма»[34] и этим-то опровергает «нигилизм» в целом. Можно с уверенностью утверждать, не вдаваясь даже в подробности доказательств Страхова, что его статья в общем не противоречила ни направлению «Времени», ни выходкам Косицы против революционных демократов, ни той позиции, которую заняли, в связи с выходом «Отцов и детей», в вопросе о «нигилизме» реакционно-либеральные издания. Характерно, что

---

[30] Н. Н. Страхов, «Отцы и дети» И. Тургенева, «Время», 1862, № 4. Критич. обозр., стр. 79.

[31] Там же, стр. 81.

[32] Там же, стр. 74.

[33] Там же, стр. 47.

[34] «Русский вестник» 1862, № 7, стр. 414.

Катков оценивал статью Страхова как «очень ценную, хорошо написанную», замечал, что «критик далек от сочувствия» Базарову.[35] Издатель «Русского вестника» был лишь недоволен абстрактностью рассуждений Страхова о «теории» и «жизни». Он хотел бы более прямого и конкретного обличения русского «нигилизма».

Итак, по главному вопросу полемики, оценке «нигилизма», все реакционно-либеральные издания придерживались, в основном, одной и той же точки зрения, как бы они ни оценивали конкретно роман Тургенева. Разногласия проявлялись лишь в вопросах второстепенных.

Совсем иные взгляды на «нигилизм» (вернее, на революционно-демократическое отрицание) пропагандировали журналы и газеты демократического лагеря. И в этом все они едины. Но, как издания реакционного лагеря по разному пытались опровергнуть «нигилизм», демократическая печать по разному стремилась оправдать его. Писарев уделял основное внимание разговору о Базаровых в жизни. Это позволило ему избежать объективно неверных оценок тургеневского романа, наиболее полно раскрыть сильные стороны образа Базарова. В «Искре», в «Очерках», в «Современном слове» высказывалась точка зрения, близкая Антоновичу. Но и там большое место занимало утверждение Базаровых в жизни. Такую же позицию занимал Щедрин. С защитой революционных демократов выступил и Антонович. Катков справедливо заметил, что критик «Современника», осуждая тургеневского Базарова, «в то же время желает наделить его всевозможными благами», возводит тип Базарова «в апофеозу».[36]

Антонович далек от принципа деления на «отцов» и «детей» по возрастному признаку. Он, правда, употребляет термин «молодое поколение», но понимает под ним «лучших молодых людей», «отрицательное направление»,[37] т. е. революционно-демократическую молодежь.

Так понимали этот термин и другие революционные демократы. Вспомним прокламации «К молодому поколению», «Молодая Россия»: ведь не на утверждении возрастного принципа основаны такие названия.

Говоря о поколении «отцов» и «детей», Антонович прежде всего подчеркивал мысль о закономерности борьбы нового, прогрессивного со старым, реакционным, об естественности отрицания старого. Он вовсе не считал, что все молодые люди — революционеры, а старые — реакционеры. Упоминая о революционных эпохах, когда борьба становится особо острой, а новое

---

[35] Там же, № 5, стр. 416.
[36] «Русский вестник», 1862, № 7, стр. 408, 414.
[37] «Современник», 1862, № 3, Совр. обозр., стр. 76, 77.

учение проявляется «в форме безусловного отрицания», Антонович замечал: «если отец остается при старом, а сын обращается к новому, *или наоборот* — между ними неизбежен раздор».[38] Следовательно, не возраст, а отношение к новым, прогрессивным идеям определяет принадлежность к тому или иному лагерю. В оценке «нигилизма» мнение Антоновича не отличалось от вглядов остальной демократической печати. И это мнение было прямо направлено против реакционно-либеральной журналистики. В литературоведении не раз высказывалась мысль, что точка зрения Антоновича в значительной мере определялась борьбой с реакционными журналами. На первый взгляд, может показаться, что факты не подтверждают ее. Катков писал об «Отцах и детях» через два месяца после Антоновича. Но не следует забывать о том, что в центре полемики был вопрос не о романе Тургенева, а о «нигилизме». Этот вопрос в конце 1861 — начале 1862 гг. постоянно поднимался представителями обоих лагерей. «Русский вестник» повел систематическую, грубую травлю революционных демократов, «прогрессистов», «свистунов».

Буквально в каждом номере журнала Каткова содержатся резкие выпады против «отрицания», «разрушения», «гнили разложения».[39] Аналогичные нападки на «отрицательное направление» регулярно встречаются и в других изданиях реакционно-либерального лагеря. В этих условиях защита «нигилизма», занимавшая первостепенное место в высказываниях всей демократической печати о романе Тургенева, являлась прямым ответом на травлю «отрицательного направления» реакционерами. Надо отметить, что и сам термин «нигилизм» реакция выдвинула до того, как «Отцы и дети» были напечатаны. В 10 № «Русского вестника» за 1861 год автор заметки «Кое-что о прогрессе», грубо ругая революционных демократов, употребляет для их характеристики слово «нигилизм»: «эти жалкие явления гордятся и любуются своим нигилизмом».[40]

Таким образом, термин «нигилизм», в качестве враждебной характеристики революционеров-демократов, употреблялся за несколько месяцев до того, как «Отцы и дети» были опубликованы. Возможно, Катков заимствовал этот термин из тургеневского романа, уже законченного к тому времени и известного

---

[38] Там же, стр. 108 (подчеркнуто мною — П. Р.).

[39] «Русский вестник» 1861, № 6 — «По поводу «полемических красот» в «Современнике»; № 7. — Виды на Entente cordiale с «Современником»; № 8 — «Элегическая заметка»; № 10 — «Кое-что о прогрессе», 1862; № 2 — «К какой принадлежим мы партии?». —

[40] «Русский вестник», 1861, № 10, Литературное обозрение, стр. 108.

издателю «Русского вестника».[41] Как бы то ни было, попытки реакционеров использовать слово «нигилизм» в своих целях видны задолго до публикации произведения Тургенева. Да и вообще, осмысление «Отцов и детей» как произведения, направленного против революционных демократов, лагеря «Современника» началось до того, как роман стал известен читателям. Об этом писали Анненков, Антонович, Страхов.[42] Сведения о романе просочились в журналистику, вокруг еще не опубликованного произведения завязалась полемика (см. «Книжный вестник», 1861, № 11—12, стр. 173, № 14—15, стр. 222, «Русскую речь», 1861, № 74, «Домашнюю беседу», 1861, вып. 43, стр. 840). В ряде изданий подчеркивалось, что новый роман Тургенева направлен против «нигилистов», молодого поколения, круга «Современника», революционных демократов. Так, напр., «Домашняя беседа» уже в октябре 1861 г. одобряла замысел романа, заявляя, что всякий благонамеренный человек «с нетерпением должен ожидать и с радостью приветствовать появление» «Отцов и детей», призывая бога помочь Тургеневу «в таком прекрасном делании», чтобы он смог высказать «правду об этих господах» (вып. 43, стр. 840). Конечно, подобные похвалы отнюдь не способствовали правильному осмыслению романа, когда он был напечатан. Катков, видимо, широко популяризировал такую точку зрения. В условиях сближения либерализма и реакции она могла казаться правдоподобной редакции «Современника».

Не случайно статья Антоновича начинается с упоминания о такого рода толках. Реакционные журналы делали все возможное, чтобы подчеркнуть разрыв Тургенева с кругом «Современника», враждебность писателя революционным демократам. В № 1 «Русского вестника» за 1861 год редакция «Современника» обвинялась в том, что после ухода Тургенева из журнала она стала осуждать творчество писателя. С отпором «Русскому вестнику» выступил в «Полемических красотах» Чернышевский, подчеркивавший принципиальные причины расхождения Тургенева и «Современника». В 6 № «Русского вестника», в статье «По поводу «Полемических красот» в «Современнике», вновь поднимался вопрос об уходе Тургенева из «Современника» и сотрудничестве его в «Русском вестнике». «Современник» обвинялся в беспринципности, сдержанность высказыва-

---

[41] См. полемику между Б. П. Козьминым и А. И. Батюто: Б. П. Козьмин Два слова о слове «нигилизм», Известия АН СССР, отд. литер. и языка, М.—Л., 1951, т. X, вып. 4, Он же, Еще о слове «нигилизм», там же, 1953, т. XII, вып. 6, А. И. Батюто, К вопросу о происхождении слова «нигилизм» в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети», там же.

[42] П. В. Анненков, Литературные воспоминания, 1960, стр. 479; Н. Н. Страхов, Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом» СПб, 1885; стр. 47; М. А. Антонович, Избранные статьи, Л., 1938, стр. 141.

ний «Современника» о Тургеневе объяснялась тем, что писатель не захотел напечатать в журнале Некрасова свою последнюю повесть (т. е. «Отцов и детей»), что он ушел из «Современника», несмотря на старания редакции упрочить за собою его сотрудничество.

Подобная точка зрения поддерживалась и другими реакционными журналами. Она была высказана, в частности, в № 1 «Времени» за 1862 г., в статье Страхова «Пример апатии».

Итак, имя Тургенева, его ненапечатанный еще роман были активно использованы реакцией в борьбе против «нигилизма». Это все в значительной степени подготовило осмысление романа Антоновичем. Отстаивая, как и другие демократические издания, «нигилизм» от нападок реакционной печати, он слишком большое внимание уделил вопросу о тенденциях Тургенева, грубо исказив в главном эти тенденции, за что его справедливо упрекал Писарев.

Критик «Современника» пришел к совершенно ошибочным выводам об «Отцах и детях». Не понял он и всей сложности позиции Тургенева. Он, по существу, согласился с тем истолкованием Тургенева, которое давала реакционная журналистика. Но ошибки Антоновича вовсе не отменяли прогрессивности основного смысла статьи, решения вопроса о «нигилизме». Они определялись отнюдь не только личными причинами, отражали взгляды редакции «Современника».

Изучая борьбу вокруг «Отцов и детей», своеобразие позиций каждого из ее участников, оценки Писарева и Антоновича, следует учитывать, что сущность тургеневского романа давала основание для писаревских выводов, что в нем имелись и тенденции, враждебные революционным демократам, справедливо критикуемые Антоновичем, что тип Базарова, со всеми его противоречиями, ближе кругу «Русского слова», чем «Современника», что в ходе ожесточенной борьбы с либералами между редакцией «Современника» и Тургеневым образовались весьма сложные отношения, что реакция еще до выхода «Отцов и детей» начала использовать роман и имя Тургенева в антинигилистической травле, и многое другое, определяемое «трудным временем» послереволюционной ситуации. Но нужно и уловить в этой борьбе ведущие, определяющие тенденции, понять, что роман — лишь повод, что часто противоположные конкретные оценки оказываются несравненно более близкими, чем сходные, что смысл полемики, позиции сторон целиком определялись тем или иным отношением к «нигилистам» в жизни, к революционному отрицанию. Нельзя считать, что, если демократическая журналистика осуждала «Отцов и детей», то плох либо роман,

либо те, кто его критиковал. Противопоставляя разные методы защиты Писаревым и Антоновичем революционных демократов от ожесточенных нападок реакции, следует отчетливо представлять, что в главном вопросе полемики, в отношении к новому человеку, их выводы не противостояли друг другу.